

Стахурская Елена

Добивая повседневность

16+

Елена Игоревна Стахурская

Добивая повседневность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44082594

SelfPub; 2019

Аннотация

Размышления, поэтические заметки человека, только начавшего свой путь по извилистой тропе жизни.

Архангельск
(песня)

Битые стёкла пронзают душу,
Моряки стремятся домой, на сушу.
Я не слышу ветер и себя не слышу.
Голубая высь мою душу колышет.

Потерял телефон и своё сознание.
Жить под копірку не мое призвание.
Я забыл своё имя и номер машины,
По песку босиком и к черту шины.

Резкий ветер катер у причала качает,
Звонкий крик чаек меня не печалит,
И не чувствуется оглушительный гул,
Леденит только блеск начищенных дул.

Ты поверила в сказку, а я не верю.
Мне там тесно и душно, и я вечно один.
Мне в сырой прохладе так воздушно:
Освободил меня один Ал-ад-Дин.

И мне хочется верить, что это неправда,
Но как раз-таки истина режет глаза.
И всегда казалось, что моя мантра:

Беги вперёд, обернёшься – беда.

Увидев чудное создание,
Захочешь властвовать над ним,
Но это против мироздания:
Никто не в праве, только свет один.

Мы все свободными приходим -
Уходим в бездну мы одни.
Пока по жизни робко ходим,
Набрасываем цепи, ярлыки.

То на себя иль на кого ещё?
Порочной плоти жалкие затеи.
Подставить – не убрать плечо.
Вчерашние святоши – трусы, лиходеи.

И покрывательством всему – идеи,
Заблудших, загнанных овец,
Что мнили себя грозными волками,
Но каждой мысли – свой конец.

Хотелось санитаром леса стать,
А выходило все – овцой чумною.
Стоит бывшее нам перелистать

И окунуться головой хмельною.

Противные природе помышленья
Смываются, сжигаются с зарёй,
И наступает время просветленья.
Гармония семи небес с душой.

Нам кажется, что мы сильнее.
Нам кажется, что мы сверхбоги.
На самом деле блудные в пороге.

Шероховатости на тонкой коже,
Бледнеющая яркость синих вен.
Когда-то ты была пригожей
Среди ментольно-грязных стен.

Тебя не занимали стачки на пассаже.
Тебя глушил ментальный плен.
Твоя душа нуждалась не в дренаже,
Ей лучший донор – время перемен.

Куда смотрели филины и совы:
Луна открыла путь нужде.
Ломаются и рушатся основы
Тех, кто, казалось, на коне.

Возмездия сверкающая риза
Стряхнет всю нечисть и всё зло.
Свет ослепительной репризы
Изгонит вновь всю тьму на дно.

Horrible auditu

Пожарище съедает Нотрдам.
Я не успел и проронить слезы.
Как жаль, что не бывал ни разу там,
Мне тяжело будет возлагать цветы.

Повинен кто, гоним пусть будет.
Его обезобразит тяжкий грех.
И если вдруг француз забудет -
Не первой станет эта из прорех.

Так постепенно рушится Европа,
Чей толерантный Вавилон неумолим,
И из хозяина пытаются создать холопа.
Все, как однажды: свалится с ног Рим?

Капкан, разорванное платье,
Побитый градом портмоне.

Весеннее иль вечное проклятье,
Зачем весна влачиться по земле?

Я слышу хохот и стенания,
разноголосье, джазовый мотив.
На остановках сплетни и предания,
Которыми так переполнен этот мир.

Дыхание цветущей вишни слышу
Сквозь дым табачный, едкую гарь.
Акаций ветви разрезают крышу,
Воскликая: «человек не царь».

Пробившееся солнце теплит душу.
Хотя холодный ветер так брезглив -
Попеременно задевает море, сушу.
Не человеческий ли тут мотив?

Гулящая толпа проносится меж окон,
Меж узеньких проулков и глухих дверей.
Но суть вещей замуровали в кокон
Непробиваемый, колючий, без щелей.

Смешалось все: что есть природа?
Что есть в природе человек?
Простые истины вдруг стали непригодны.

Решили люди их забыть навек?

– Доброй ночи, – скажу я тебе.
– Селяви, – ты ответишь мне тихо.
Ты повсюду, ты рядом, везде:
В каждом отзвуке знаков и чисел.

У тебя нет ни тела, ни взгляда:
Тыходишь на тонкий эфир,
Ты проносишься мимо, но рядом.
Ты пронзаешь меня как сатир.

И дыхание вновь прерывается,
И пускаются связки в дрожь.
Боль навеки теперь останется -
Покромсал моё сердце твой нож.

Скорбных песен голодная стая
Налетела как вороны в ночь,
Хладный пепел с руки сдувая,
Прогоняю мерзавок прочь!

Потеряюсь в туманном лесу,
Захватчу с собой воспоминанья,
Закопаю их в землю сыру,

Задущу сиплый крик страданья.

Ты потерялась в океане в сонме мыслей,

Загубленная бледная душа.

Несла ты ведра с горем в коромысле,

Не двигая глазами, не дыша.

Тебе бросало в омут и в неволю,

И плавился булат на сердце и в груди.

Кричали люди с берега: беги, беги.

И доносилось эхо океана.

Обманутых людей печальный вальс,

Шарманщика ирония игры.

И перепонка уха вся стиралась до дыры.

И я уставший падал ниц пред вами.

Забутый всеми, забитый грязными делами.

Печальный путник пустоты, в которой встретились

Однажды я и ты – ещё задорные и свежие умы.

Бандеролька

(песня)

Мне хотелось прыгнуть с тобой

И разбиться слезой о печали,
Грнуть летом ненастной грозой,
Чтобы сельские дети кричали.

Разрубил бы я жизнь пополам
И прочёл бы ее по-новой,
Поглядел бы по сторонам
И вырвал бы горе с основой.

Ветра стоны я слышу и только!
Скрип колёс не мешает мне спать,
Терзает душу мою бандеролька,
Хозяйке, которой вовеки не встать.

Полынью пахнут потускневшие гардины,
И ладаном подсвечник отдаёт.
Моя душа покрыта глиной,
Которая не слезет, не сойдёт.

Всё чуждо мне: глициний рать,
Челночный ряд на шифоньере,
Исписанная толстая тетрадь,
Каштан как память об апреле.

Сей образ милой предо мною
Прослывший фильгранью красоты

Теперь лишь мертвый след ,
Его не смоешь кровью,
Неизлечимая чума души.

Не будет больше дом мой храмом,
Отныне это камерный курган.
И сам я стал в нём истуканом,
Покрылся пеплом как вулкан.

Муза

Когда пропала моя муза,
Я стал посмешищем, обузой,
Влачил печальную судьбу.
Казалось, вздох – занемогу.

Уйду из жизни, свет оставив,
Когда-то подаривший мне
Шипуче-сладкий запах на гумне
И радужно-зеркальную росу.

А помнится, я музу на руках несу,
Она смеётся звонко и визжит,
Как карапузу не перестало
Неловкое движенье – убежит.

Я помню в дрожь меня бросало,
Когда как серна дикая сорвётся
И побежит не глядя вниз,
А после ядовито улыбнётся
И явит миру свой очередной каприз

И так мне вспоминалось всё,
Что связано с прекрасною дикаркой,
Неуловимую бунтаркой, сестрой
Великих амазонских дев.

Минуты не прошло, а я встревожен.
Я музы резвой возвращение жду?
Мне слышен свист её стреножен,
Слепцом почую эту сказочную мглу.

Ростова

Проходит мимо времени весёлого состав,
Стоп-краном ты его остановить не сможешь.
В какую даль несётся он стремглав?
И почему мурашек нет по коже?

В окоченении угрюмом ясный взгляд остался,
И в памяти ещё звучит вчерашний вальс.
Таким живым и трепетным тот день казался,

Когда минуя пеструю толпу мы повстречались раз.

Заботливо укутывает голову холодная тоска
Туманом, сотканным из грёз.
Реальность от мечты так далека,
Как будто затерялась среди берёз.

И наступает час смиренной скорби,
Печати чувственного горя на лице.
Печаль перегоняя, набухают жилки
На музыкальной тоненькой руке...

На крыше дома твоего

Суровый ветер дует с крыш,
Уносит всё с собою в бездну,
А ты на чердаке стоишь,
Боишься, что и я исчезну.

Трясутся руки у тебя,
Слезами руки окропляешь,
Платочком утираешь нос
И сбивчиво молитву повторяешь.

Зачем переживаешь за меня?
Спустись на землю, выпей чаю.

Проведай старых и больных,
Открой им тайны и печали.

Терзать не стоит свою душу.
Она тебе ещё нужна.
Не прекословь, меня послушай:
Теперь на кровле ты одна.

А я ушёл и не вернусь...
Не думай плакать понапрасну,
Не думай, милая, что я боюсь,
Мне жить с тобою было не опасно.

Угрюмый месяц наблюдает с крыш
И презирает город наш прибрежный,
А ты давно уж сладко спишь
И видишь сон свой безмятежный.

Ведьма

Углы домов обостряются
Ветер резок как никогда,
Видения возобновляются.
Я ведьма и знала всегда:

Где бы ты не свернул, дружище,

Вечно ждёт тебя ворох чертей;
И не важно, кем ты назовёшься,
Будь хоть в тысячу раз ловчей.

Ночью темной тебя настигнут,
Или светлым весенним днём
Закуют в кандалы преисподней,
Сбросят в море тебя с якорем.

Ты не веришь в народные сказки,
Так поверь же своей судьбе.
Ты смеёшься и строишь глазки,
Так поверь ледяной воде.

Он гоним и навеки будет
Оголён для земного зла.
Добрый люд его не осудит,
Но своё он познает сполна.

В четырех стенах

Пока в кромешной темноте,
Теряясь в четырёх стенах,
Нетленных липовых дверях,
Я встречи с тобой искала,

Неспешно таяли следы,
Ладоней треснувших и грубых,
На окнах пыльных и занудных,
Расползаясь струями воды.

И виднелось лико луны,
Не с такою гримасой, как прежде.
В нем читалось: леса, валуны
И пустая, былая надежда.

Много жизней уже прошло,
Повидать удалось мне многое,
Но не внемлю лишь одного:
Почему каждый раз приходится
Пребывать в тревоге и мо'роке.

Осколок из прошлой жизни

Стрелу мне в спину, нож в рукав.
Я внук вождей, я вольный сокол.
Пока я спал среди душистых трав,
Мне сухойей нашептывал «монгол»,
Но это имя мне по праву не дано.
Мне прозвище «зятёк», мне имя – курыкан.
Не нужно лепетать, Санга, давно всё решено:
Погибну, но не стану я рабом врага.

Кайдани

Вырван из контекста, искажён в умах,
Тот отрывок текста, что сжигает в прах:

Душу й тіло, кров і серце, очі й розум – все на стіл,
Будемо битися за свободу в кайданах і без харчів.

Разгорится пламя – бросить угольку.
Ненависть и зависть вспыхнут наяву.

Дым страстей и козней втянется в умы,
Будет их дурманить замыслом войны.

Волчий клык пронзится в человечесю плоть.
Ничего не стоит брата заколоть?

Людам страшно слышать,
Боязно внимать, лучше
Пусть красиво, но не понимать.

Сказка правды лучше: лоска больше в ней.
Гадостно нам слушать, забывать больней.

Всё по-старому. Мы здесь.

Мир манипуляций и обмана.
Стоит запотевшие очки нам снять -
Мы увидим, как все пошло,
И изъяны будут пред глазами лишь мерцать.

Сочетание цветов и красок.
Что готовит в Новый год Pantone?
Яркий взрыв на сотнях масок
Или сгусток цвета, что смешон.

Шум колонок, смесь похабщины и рвоты
Льётся в уши, выливается с душой.
Идолы штампованные левою ногой
Душат толпы вскриками и мишурой.

Всё исчезнет, лишь глаза закрой.
Ум и зрение дано нам
Для того, чтоб вычистить весь гной земной.

Озаренье – спящим душам!
Полуночникам – заслуженный покой.

27 30

Возьму я в руки пистолет,

Три раза поверну направо.
Я вспомню свой короткий век,
Да толку только мало ...

Мечты затертые до дыр.
Поездка в Балаклаву...
Я помню мультик Мойдодыр,
Что раньше был по нраву.

Остывший кофе поутру
Бодрит лишь пофигизм.
Он тешит нежную хандру,
Расписывая прелесть тризн.

Я затерялся сам в себе,
Иль жизнь меня сломала?
Я вроде здесь, но я нигде.
Живу я как попало.

Одно мгновение и взлёт.
Мы оторвёмся от коры земной,
Сорвавшись с цепи серых будней.

Одна оплошность – упадёт.
Вернёт нас случай роковой

В толпу безропотных, унылых трутней.

Небо

Ах, небо бледно-голубое,
Я был когда-то молодым.
Я вечно планов много строил,
Но оставался я один.

Погода портилась так часто
И нагоняла грусть-тоску
И делала все это не напрасно:
Хотела показать, что я смогу.

Смогу быть сам с собой счастливым,
Смогу купаться в тишине,
Творить портреты и сонаты,
не забывая о тебе, небо.

Ты пахнешь свеженапечатанной бумагой.
На улице так пасмурно, дожди.
И в эти дни моей единственной отрадой,
Надеждой несогбенной стала ты!

Ты улыбнулась мне печально и сказала:

«Беги, куда глаза глядят, но знай,
что буду вечно рядом
и будет вечным мой наряд».

Холодный пот смешается с дождём,
И кипарисы станут для меня стеной:
Непробиваемой, готически-суровой.
Ничто не образует между них проём дверной,
Через который пролечу как перекати-поле.

Не скрыться и не спрятаться мне боле.
Уж такова мятежника судьба.
Утрачивая чувство страха и самоконтроля,
Я становлюсь мишенью для тебя.

Ты будешь звать меня из глубины веков,
Искать в тени театров и библиотек,
Мелькая тонкостью холодных черт,
Нежданный и негаданный объект.

Эпитафия

Потерянный во мраке,
Забывтый в городах,
Один прохладный вечер,
Один минувший взмах...

Пустующий фонарик
Зажегся в темноте,
Его никто не видит -
Он светит лишь тебе.

По лестнице ступая,
Уносишь ты с собой
Звонящий голос мая
Под шёпот роковой.

Постылая часовня
Скрывается в ночи,
Тебя я буду помнить
Пламенем свечи...

В самообмане, в мантии сизой
Прохожу я сквозь дни и года,
Вечно теряясь в мире эскизном,
Созданным мной изо льда.

Но растает мой лёд и уйдут снега,
Я останусь в безлюдной пустыне,
Сидя с систром в руках у костра,

Пока сердце моё не остынет.

Ночная даль изрезана огнями,
И в ней ни искры от тебя.
Ты бродишь где-то между снами,
Осенней дымкой на рассвете уходя.

Я окна распахну, раскрою двери
В надежде разглядеть в дали тебя.
И до последнего хотелось верить,
Что ты появишься как пятая заря.

Но небо затянуло серым полотном
И не видать ни света, ни лучинки.
Вот-вот и прозвучит цинично гром,
Судя меня с задором без запинки.

С щеки моей скупая упадёт слеза
На старый отсыревший подоконник.
Запру я на засов витражны окна,
Достану с пятой полки Бальзака.

Святая земля

Где небо кончается летом,

Где море пылает огнём,
Там ищут всё люди ответы,
О том, об одном, о другом.
Но толку не так уж и много.
Что скажут им смерти пески,
Холодные, гордые взгляды
Людей, что от нас далеки
На годы, на световые ярды.

В бреду

Я вижу вас и ваши руки.
Они всё тянутся ко мне,
Нас горечь пламенем разлуки
Бросает в огненный песок.
Срывает листья с глаз бездонных
Потешный ветер сгоряча,
Бросает в печь и снова в холод.
Восточный голубой огонь...
Он манит нас, он так велик
Я вижу серый грустный лик:
Святая Маша плачет кровью.
Её бросает в снег и в дрожь.
Ничем ее не сбережешь.
Песочный ветер застилает трупы
И черпушка светится клеймом,

Проженным синим сладостным огнём.
А там зелёный ядовитый ветер.
Он сотворил змеиный пепел, что осаждается на дно.
И пробуждаться суждено ему в Адаме, в Еве и в Лилит:
Душа ее ещё болит и горло стонет от неволи.
От той ненастной и глухой недоли.
За что сей деве «счастье» сорвалось?
Помилуй, Боже, бедную Лилит.

Наваждение

Досчитав до девяноста,
Пролистай и не смотри.
На душе твоей короста -
Излечи её, прожги...

Сковывать себя не просто,
Не порваться бы внутри.
Как рассыпанное просо
Перебрать бы до зари?

Нет ответа, всё погасло,
Кануло в небытии.
Голова болит ужасно.
Все преграды позади.

Так ли это в самом деле?
Сам не знаю, сам ищу
Ту иголку в брэнном теле,
От которой я ропщу.

*Интерпретация образа демона по Врубелю

Все мы – демоны, мятущиеся души.
Рыщем всей ватагой до зари,
Но не замечаем, как огонь свой тушим,
Зарываясь в сгустки суеты.

Зазеркалье

В синей бездне блещут жёлтые глаза,
Сковывая трепет гордого юнца.

Ты взглядишь получше в мутное стекло:
Все оттенки, тени, сплетены в одно.

Переливы, блики и полутона.
Смех, полу-улыбки, тихая тоска.

Хмурое молчанье, остуженный гнев.
Многоликий идол. Фурья или лев?

Коко до Шанель

У Вас уставшие глаза,
В уме напрасные заботы,
Печали потеряли берега,
Осточертели Вам остроты.

Горит сигара потухая,
Скрипит не замкнутая дверь.
Сегодня Вы уже другая:
Вы состоите из потерь.

Приобретений Вам хватает,
Но что они в сравнении
С тем бризом, что нёсся
К Вам с тех дальних берегов,
Откуда родом ум холодный и любовь?

Москва

Дымящих труб нестройное дыханье,
Домов высотных оскудевший блеск.
Всё прибывает в вечном состоянье,
Когда слышен не смех, а только треск.

Свинцовых облаков свисающие тонны,

Шоссейных древ нагая стыдоба,
Людей, по лезвию бегущих, миллионы.
Неужто это есть та самая Москва?

Возможно, и была другой когда-то...
Носила платья без заплаток,
Была примером чистоты,
Но всё кончается когда-то.

Прибежище люмпенам.
Царство темноты.

Белые ночи

День как ночь, а ночь как день. Где такое видано?
Как же жизнь сложна теперь.
Где века Давидовы?

Ты унесёшь с собою долгий взгляд,
Молчанье гор, холодный трепет ветра.

День, два, а ,может быть, неделя,
Тебя не станет на земле для нас.

Фитиль твой слаб, дыхание неровно -

Ты неминуемо погаснешь через час.

Подсвечник холоден и руки,
Застывшие мятежно, так бескровны.

Дух с содроганьем рвётся ввысь,
Взывая к нам: «за жизнь боритесь».

Последней искрой вспыхнули глаза,
В них отразились звезды, небеса.

Созвездие Ориона

И дым и звёзды – всё пустое.
Я жду на берегу коня.
Он унесёт меня в иное,
Неведомое место бытия.

Там нет законов, нет границ.
Есть только свежее дыханье
Драконе перед кем падете ниц,
Не заслужив ни грамма оправданья.

Жестокость

За пределами разума, в области сердца

Плачет скованный злом человек.
Он не может найти себе места:
Пред очами кровавая плоть.

Для чего он понять не может,
Отчего перешел предел?
Растерзать не такого и бросить,
Вот избранника неба удел?

Мое лето – зима

В окне – безлюдное раздолье,
На подоконнике подтаял град.
В душе – холодное безмолвье,
Надолго ль этот затяжной антракт?

Нимфа

Что-то вдруг похолодало –
Захотелось упорхнуть.
Только крылья я сломала –
Век их больше не вернуть.

Ни потери, ни утраты.
Позабылось все вокруг,
Нет и боли от каната

Шее гибкой, будто кнут.

Небо светится закатом,
Озаряя бранный путь
Нимфе, плакавшей о том,
Чего вовек ей не вернуть.

Думал я, мечтал о чуде,
Скорбь и страхи позабыв,
Словно таракан на судне:
Прыг – свободу ощутил.

И ничто меня не гложет,
Ни сомненья, ни озноб.
Ничего и не тревожит,
Только хочется вперед.

Позади пустые дали,
Незабвенные пока,
Трепетно ко мне зывают,
Храбрость мысли понося.
Я иду своей тропею,
Огибая ленну муть,
Погружаясь с головою
В мир, откуда не вернуть.

Ждут меня борцы из стали
С несгораемой душой,
Может, встретят на вокзале,
Подждут на мостовой.

Я не знаю, где их встречу
И чего от них мне ожидать.
Но одно лишь я отмечу:
С ними не захочешь спать.

Человеки с фиолетовой душою,
С непокорною энергией внутри.
Их умы не подлежат застою:
Это прогрессивности цари.